

Стоило Сун Чжи замешкаться, как Ци Люйцянь поднял голову.

— Что-то не так? — Он лукаво усмехнулся. — Неужто есть тайны, о которых и сказать нельзя? Или... ты заприметил какую-нибудь красавицу и теперь сравниваешь её с цветами на своих картинах?

Сун Чжи лишь фыркнул в ответ:

— Оставь эти мысли при себе. Если и заприметил кого, так это ты, а на меня напраслину не возводи!

На самом деле Сун Чжи всегда отождествлял себя с хризантемой — символом чистоты и стойкости. Этим образом он напоминал самому себе: нельзя поддаваться мирской суете, нельзя склонять голову перед великой Юань.

Помолчав, Сун Чжи негромко спросил:

— Бохэн-сюн, ты слышал о Чэнь Дяояне?

Ци Люйцянь нахмурился:

— Разумеется. Мятежник, что в прошлом году поднял сброд в Чжанчжоу. Убил нескольких высокопоставленных чиновников, а в этом году и вовсе провозгласил себя «великим ваном, усмиряющим Минь и основывающим государство». Смех, да и только!

Сун Чжи хотел было признаться, что писал хризантемы, дабы воспеть подвиг этого человека, но после такой тирады слова застряли в горле.

Ци Люйцянь подозрительно прищурился:

— Цзилань, к чему ты вдруг его помянул? Неужто твои цветы — в его честь?

— Этот человек предан стране, — твёрдо произнёс Сун Чжи. — Он терпит лишения, рискует жизнью и головой ради того, чтобы вернуть нам наш дом. Разве он не достоин похвалы?

Ци Люйцянь несколько раз переменялся в лице. Он опасливо огляделся по сторонам и, убедившись, что поблизости никого нет, облегчённо выдохнул. Схватив друга за плечо, он прошептал:

— Цзилань, заклинаю тебя: никогда больше не произноси этого вслух.

Этого показалось ему мало, и он с каким-то болезненным недоумением уставился на товарища:

— Этот разбойник собрал десятки тысяч черни, он сеет хаос повсюду! Это предатель, терзающий мирный люд! Какую страну он собрался возвращать? О чём ты вообще говоришь!

Сун Чжи резко вскочил.

— Бохэн-сюн, разве ты не ханец? Чэнь Дяоянь — наш единокровный брат. Страна, которую он хочет возродить, — это наша Великая Сун...

Договорить он не успел: Ци Люйцянь в ужасе зажал ему рот ладонью.

— Цзилань, замолчи! Не смей!

Сун Чжи с силой оттолкнул его руку.

— Я не лгу!

— Тише ты! — Ци Люйцянь, казалось, был на грани удара. — Ты что, хочешь прокричать это на весь мир? Чтобы все узнали о твоих крамольных мыслях, а потом вырезали весь твой род до последнего колена?

Только тогда гнев Сун Чжи немного утих. Ци Люйцянь решил, что друг успокоился, но тот глухо обронил:

— Чего мне бояться казни целого рода? От моего рода остался только я один.

Он поднял взгляд на друга:

— Смерть мне не страшна.

Ци Люйцянь опешил. В их беседах они касались лишь философии, канонов, астрономии или географии. О личном Сун Чжи никогда не распространялся, и Бохэн понятия не имел, какая трагедия скрывается за его одиночеством. Случайно задев старую рану, он искренне смутился:

— Прости, Цзилань... Я не знал, что твоя семья...

— Не нужно слов, Бохэн-сюн, — перебил его Сун Чжи. — Это моё личное горе, в чём мне тебя винить? Виноваты лишь монголы.

Ци Люйцянь нахмурился, не решаясь спросить прямо, но Сун Чжи ответил сам:

— Всех... Всех убили монголы.

Воцарилась тяжёлая тишина. Ненависть, рождённую на пепелище родного дома, невозможно излечить доводами рассудка. И всё же Ци Люйцянь, движимый добрыми чувствами, предпринял последнюю попытку:

— И всё же, Цзилань, подумай... Сун пала. Наступил век монголов, это их земля, их небеса. Что изменит твоя ненависть? Ты лишь погубишь себя, и это будет напрасно. Сохрани жизнь, которую твои близкие выкупили для тебя такой ценой. Живи, иначе их жертва окажется бессмысленной.

Сун Чжи поджал губы. Он понимал, что друг прав.

— Пусть за Чэнь Дяоянем идут тысячи, пусть он убил вельмож — для двора это лишь досадная помеха, — продолжал Ци Люйцянь. — Как бы он ни лютовал, ему не одолеть мощь империи. Рано или поздно его схватят. Вспомни канцлера Вэня... Каким героем он был, сколько городов отбил, и где он теперь?

Сун Чжи изменился в лице.

Имя Вэнь Тяньсяна жгло ему сердце. Когда-то, после смерти Ли Ханьсу в уезде Пуцзян, Сюнянь хотела везти его именно к нему, но болезнь Сун Чжи спутала все планы. Позже, попав к Чжан Хуэю, мальчик умолял отправить его к дяде Вэню. Чжан Хуэй поначалу согласился, но пока они мешкали в Линьане, пришла весть о контрнаступлении. В разгар войны чиновник не мог передать детей в руки мятежного полководца — это было бы верной смертью под перекрёстным огнём. Так Сюнянь и оставила эту затею.

Позже, повзрослев, Сун Чжи осознал величие этого человека. Вэнь Тяньсян стал для него кумиром, почти божеством. Но даже боги бессильны против рока: в конце пятнадцатого года правления Ши-цзу контрнаступление провалилось, а сам канцлер был схвачен и заточён в Даду.

Строки «Над морем Линдин», написанные канцлером в плену, Сун Чжи хранил у изголовья, перечитывая их всякий раз, когда воля начинала слабеть. Копию «Песни о праведном духе», созданной в темнице этим летом, он переписал своей рукой и читал ежедневно, как молитву. Слова Ци Люйцяня ударили в самое больное место.

Заметив его состояние, Бохэн вздохнул и мягко добавил:

— Цзилань, мы открыли друг другу души, и я искренне зову тебя другом. Я не хочу, чтобы ты навлёк на себя гнев сильных мира сего. Судьба Сун решена. Даже ничтожное насекомое

цепляется за жизнь, так зачем же тебе навлекать на себя беду, идя наперекор империи?

Ци Люйцянь всегда восхищался талантами Сун Чжи и раньше лишь удивлялся, почему такой одарённый человек прозябает в нищете. Теперь он понял истинную причину.

Сун Чжи, видя, что друг печётся о его безопасности, почувствовал, как к сердцу подступило тепло.

— Я понимаю твои слова, Бохэн-сюн. Спасибо за заботу. Я всё запомню.

Покинув дом друга, Сун Чжи долго не мог прийти в себя. Он знал, что Сун мертва. Знал, что мир принадлежит монголам. Но как он мог не ненавидеть? Они уничтожили его родину. Эта боль была бесконечной, она текла в его жилах.

Ведь он был ханьцем. Он был человеком Сун.

На обратном пути в поместье Мэн Сун Чжи проходил мимо рынка. Заметив лавку с румянами, он вспомнил, как заботливо Ацила обхаживала его во время болезни, и решил, что пришло время отблагодарить её.

Вернувшись, он вручил девушке коробочку. Ацила, будучи совсем юной, при виде подарка и обрадовалась, и застеснялась одновременно. Счастливо улыбаясь, она хлопнула себя по груди:

— Господин Сун, если вам что-то понадобится — только скажите! Я в лепёшку расшибусь, но помогу!

Сун Чжи улыбнулся в ответ:

— Не зови меня господином. Я всего лишь прочитал пару книг, не стоит такого обращения.

— А как тогда звать? — любопытствовала девушка.

— В моём родном доме соседская девчушка звала меня «Лань-ге». Я постарше тебя, так что зови меня так же.

Ацила густо покраснела и кивнула:

— Хорошо... Лань-ге!

Помедлив, Сун Чжи вдруг спросил:

— Ацила... ты слышала о Чэнь Дяояне? Что о нём говорят?

Девушка на мгновение задумалась, а затем она скривилась от неприязни:

— Слышала... Это главарь мятежников, жестокий и злой человек!

«Вот оно что», — горько подумал Сун Чжи. Похоже, так считали все.

Мэн Хуань вернулся поздно. Состязания в стрельбе при дворце закончились пышным пиршеством, и он переступил порог поместья лишь к полуночи. Сун Чжи уже собирался ко сну, когда снаружи поднялся переполох. Голоса Цино и Салань наперебой твердили:

— Молодой господин!

— Осторожнее!

Мэн Хуань, судя по всему, изрядно перебрал. Шум затих лишь спустя долгое время — видимо, его увела к себе Доэрши, ещё одна наложница. Она не отличалась красотой Салань, но голос её напоминал трели соловья, и Мэн Хуань часто проводил время, слушая её пение.

Сун Чжи, раздражённый шумом, ворчал про себя. Монголы славились своим пристрастием к хмельному, напиваясь до беспамьятства. До этого Мэн Хуань казался ему исключением, но, похоже, и он не избежал этого порока.

«Ещё и распутник!» — с этой мыслью Сун Чжи наконец провалился в сон.

Он полагал, что после такой попойки хозяин даст себе отдых, но утренняя каллиграфия не была отменена. После тренировки и омовения Мэн Хуань вошёл в кабинет. Сун Чжи уже ждал его там.

— Я опоздал? — спросил Мэн Хуань.

Сун Чжи промолчал. Сказать «да» — значило проявить неуважение к хозяину, сказать «нет» — покривить душой.

Проведя весь вчерашний день вдали от Сун Чжи, Мэн Хуань, вновь увидев его в привычной обстановке кабинета — спокойного и, казалось бы, покорного, — ощутил странный прилив удовлетворения. Когда Сун Чжи собрался встать для приветствия, хозяин небрежно махнул рукой:

— С нами, вояками, забудь о церемониях. Сиди.

— Жаль, что ты вчера не видел охоты, — с улыбкой добавил он. — Зрелище было захватывающим. Даже Его Величество не удержался и вышел на поле, и Наследный принц не остался в стороне. Вся знать, принцы и внуки императора — все были при стрелах! Даже Чомань подстрелила несколько зайцев.

Сун Чжи вежливо улыбнулся:

— А как же молодой господин?

— Я? — Мэн Хуань в упор посмотрел на него. — А ты как думаешь?

— Молодой господин, без сомнения, проявил доблесть.

Мэн Хуань хмыкнул. Наблюдая за тем, как Сун Чжи расстилает бумагу, он взял кисть и негромко произнёс:

— Если бы не нужно было соблюдать приличия перед императорской семьёй, никто не смог бы меня превзойти.

В его голосе не было бахвальства — лишь безграничная, спокойная уверенность в своём превосходстве.

Сделав несколько мазков, он как бы невзначай спросил:

— Слышал, ты вчера покидал поместье. Куда ходил?

— Виделся с другом, — ответил Сун Чжи. — Молодой господин его знает.

Мэн Хуань вскинул бровь, не понимая, о ком речь.

— Помните тот случай на улице, когда молодая госпожа Чомань испортила мою картину? Он был тогда со мной.

— И когда же вы успели стать друзьями?

— Сразу после того случая. Я увидел, что он человек достойный, прямой и щедрый. Так и сошлись.

— М-м, — неопределённо отозвался Мэн Хуань. — И это всё? Больше ничего не делал?

— Всё.

Мэн Хуань медленно повернул голову:

— Совсем всё?

Сун Чжи внутренне вздрогнул. Неужели он в чём-то прокололся? Он быстро перебрал в уме события дня: ничего крамольного не было.

— Совсем.

— Слуги донесли мне, — вкрадчиво произнёс Мэн Хуань, — что ты купил Ациле коробочку румян. Это правда?

Сун Чжи замер. «Даже об этом доложили?»

— Правда, — кивнул он. — Я не счёл это важным.

— Она тебе нравится?

Сун Чжи мгновенно вспыхнул:

— Нет! Что вы, вовсе нет!

— Значит... ты хочешь её использовать? — голос Мэн Хуаня стал холодным.

Сун Чжи онемел от неожиданности.

— Вы с ней сблизились. Ацила — правая рука Салань, та ей очень доверяет. А Салань, как ты знаешь, дорога мне... — Мэн Хуань отложил кисть и вперил в него тяжёлый взгляд. — Скажи мне, Сун Цзилань, что за игру ты затеял? Что ты задумал?

<http://bllate.org/book/17487/1694795>